

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ АНИМАЛИСТИКИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

VERBAL REPRESENTATION OF FANTASTICAL ANIMAL IMAGERY IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Wang Lingjun
Wang Shujun

Summary: The article presents a linguocultural comparison of verbal images of fantastic animalistic creatures in the Chinese and Russian languages based on mythological texts, contemporary literary prose, as well as phraseological units and paremias. The analysis combines componential description of meaning, contextual inspection (KWIC), and statistical testing of differences across corpora (the Russian National Corpus, CCL, and Chinese Gigaword), including the calculation of relative frequencies and the proportion of evaluative markedness in samples of contexts. It is demonstrated that in the Chinese linguistic worldview the zoomyths 龙 (dragon), 凤凰 (phoenix), and 麒麟 (qilin) form a stable positive axiological complex associated with power and fertility, harmony and renewal, justice and prosperity; this is confirmed by the predominance of complimentary idiomatic expressions and a high proportion of positive contextual environments. In the Russian tradition, a different model is observed: змей/Змей Горыныч (serpent/Zmey Gorynych) consistently actualizes the semes of danger and hostility in set expressions, whereas жар-птица (firebird) functions as a marker of good fortune and a desired gift. The comparison demonstrates how cultural attitudes are zakpened in lexico-semantic fields and the phraseological stock, which is essential for interpreting intercultural asymmetry in mythological images that are similar in form.

Keywords: fantastic animals, zoomyths, Chinese mythology, Russian mythology, verbal images, linguoculture, comparative analysis.

Ван Линцзюнь

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
valentin827@mail.ru

Ван Шуцзюнь

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
wangshujun19981107@gmail.com

Аннотация: Статья представляет лингвокультурологическое сопоставление вербальных образов фантастической анималистики в китайском и русском языках на материале мифологических текстов, современной художественной прозы, а также фразеологических и паремийных единиц. Анализ сочетает компонентное описание значений, контекстный просмотр (KWIC) и статистическую проверку различий в корпусах (НКРЯ, CCL, Chinese Gigaword) с расчётом относительной частоты и долей оценочной маркированности в выборках контекстов. Показано, что в китайской языковой картине мира зоомифы 龙, 凤凰 и 麒麟 образуют устойчивый позитивный аксиологический комплекс, соотносимый с властью и плодородием, гармонией и обновлением, справедливостью и благополучием; это подтверждается преобладанием комплиментарной идиоматики и высокой долей положительных окружений. В русской традиции фиксируется иная модель: «змей/Змей Горыныч» стабильно актуализирует семы опасности и враждебности в устойчивых выражениях, тогда как «жар-птица» функционирует как маркер удачи и желанного дара. Сопоставление демонстрирует, как культурные установки закрепляются в лексико-семантических полях и фразеологическом фонде, что важно для интерпретации межкультурной асимметрии близких по форме мифологических образов.

Ключевые слова: фантастические животные, зоомифы, китайская мифология, русская мифология, вербальные образы, лингвокультура, сравнительный анализ.

Введение

Мифологические представления о животных занимают заметное место в языковой картине мира большинства культур. Особый интерес вызывают фантастические существа — драконы, фениксы, единороги и др., символика которых прочно закрепилась в народных поверьях и сказках.

В Китае и России сохранились богатые мифологические традиции с близкими по форме образами. Так, дракон (龙, long) фигурирует как в славянском фольклоре (под именем Змея), так и в китайских легендах, однако его оценочная и символическая семантика различна. Сопоставительный анализ подобных образов помогает выявить как универсальные, так и национально-специ-

фические черты культуры и менталитета.

Цель настоящего исследования — описать языковую репрезентацию характеристик фантастических животных в китайской и русской лингвокультурах, определить семантико-символические особенности соответствующих лексем и их стилистические функции.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1. проанализировать номинации дракона, феникса / Жар-птицы, цилиня и Змея Горыныча;
2. исследовать устойчивые фразеологические и паремийные единицы, в которых отражаются названные образы;
3. на основе данных Национального корпуса рус-

ского языка (НКРЯ), Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL) и Chinese Gigaword 5 установить относительную частотность указанных лексем и типовые контекстные модели их употребления.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на четырёх взаимодополняющих группах источников, охватывающих как традиционные, так и современные репрезентации образов фантастических животных. Первую группу составляют мифологические тексты — по двадцать произведений на каждом из исследуемых языков. Китайский массив включает «Шань хай цзин», «Хуайнань-цзы», «Соу шэнь цзи», «Фэншэнь яньи» и другие канонические сочинения; русскую подборку образуют пятнадцать сказок из сборника А. Н. Афанасьева и пять былин в академическом издании П. Н. Рыбникова. Эти тексты фиксируют изначальные семантико-символические характеристики драконов, фениксов, цилиней и Змея Горыныча.

Вторую часть корпуса формирует современная художественная проза: по десять произведений китайского и русского фэнтези, от циклов «龙族» Цзян Наня и «九州缥缈录» Цзинь Хэцзя до «Волкодава» М. Семёновой и «Дозоров» С. Лукьяненко. Сопоставление классических и новейших текстов позволяет проследить эволюцию оценок и функций зоомифов.

Отдельно выделен пласт устойчивых фразеологических и паремийных единиц — около 450 примеров в сумме. Для китайского материала использованы словари «汉语成语大词典» (商务印书馆, 2015) и «成语大词典» под редакцией 许渊冲; для русского — «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Кунина и «Словарь пословиц и поговорок» В.И. Даля. Именно здесь наиболее отчётливо проявляются культурно-специфические оценки, закреплённые в языке.

Наконец, проверка датировок, контекстов и культурных реалий осуществляется с помощью академических порталов Ethnomyth.ru и 中国神话网, а также баз CNKI Scholar и «ПроЖито». Количественный анализ лексем выполняется по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL) и Chinese Gigaword 5, что обеспечивает сопоставимость выборок и статистическую надёжность выводов.

Исследование сочетает компонентный анализ значений зоонимов, контекстный просмотр (KWIC) и лингвокультурологическое сопоставление образов в русском и китайском фольклоре. Частотность лексем «дракон», «феникс / Жар-птица», «цилинь», «Змей Горыныч» вычислялась по Национальному корпусу русского языка и корпусам CCL + Chinese Gigaword 5 (миллионы слов; подсчёт вхождений на 1 млн слов через Sketch Engine), отличие

долей проверялось χ^2 -критерием. Данные сверялись с открытыми частотными словарями (Ляшевская & Шаров 2009; «现代汉语频率词典» 1986) и толковыми изданиями «汉语大词典», БАС. Все количественные показатели основаны на публичных корпусах и словарях.

Результаты и обсуждение

В китайской мифологической картине мира ведущие роли принадлежат трём благожелательным существам (дракону (龙), фениксу-фэнхуану (凤/凰) и цилиню (麒麟)), которые ассоциируются с позитивными символическими значениями.

В китайской лингвокультурной картине мира дракон (简体: 龙, 繁体: 龍) — прежде всего водный и «дождевой» дух: в народной религии закреплён пантеон 四海龙王 «четырёх морских владык», от которых испрашивают ветер и дождь; отсюда регулярные водные ритуалы и устойчивые словосочетания типа 龙王庙 «храм Драконьего царя», 祈雨/祷雨 «молить о дожде» и др. Современный праздник гонок на лодках-драконах (端午节) в массовом нарративе связан с почитанием поэта-государственника 屈原 Цюй Юаня, хотя исследования также фиксируют более ранние «дождевые» функции состязаний как умиловительных обрядов водным божествам. На уровне государственной символики «дракон» кодирует верховную власть: 五爪龙 «пятипалый дракон» служил императорским отличием (ср. термины 龙袍 «императорское одеяние», 龙椅 «драконий трон», 龙颜 «императорское лицо»). В собственно языковом материале преобладают позитивные коннотации, что видно по устойчивым коллокациям и идиомам: 画龙点睛 'букв. «дорисовать глаза дракону» → придать завершенность'; 龙腾虎跃 '«дракон рвётся ввысь, тигр — вперёд» → энергия, напор'; 龙马精神 'боевой, приподнятый дух'; 鱼跃龙 '«карп перепрыгнул драконьи ворота» → взлёт по службе'; 矫若游龙 'стройный, пружинистый (о письме/движении)'; 龙凤呈祥 'дракон и феникс приносят благодать'; негативные оценки редки и чаще ироничны: 叶公好龙 'любить дракона на словах» → мнимая любовь'; 龙蛇混杂 'намешано хорошего и дурного'; 屠龙之术 'пустая, «бесполезная» учёность'; 画龙不成反为狗 'испорченная работа'. По нашей ручной разметке 30 идиом с компонентом 龍/龙 из электронного словаря «汉语多功能字库» (CUNK) положительную оценку дают 22, отрицательную — 5, нейтральную — 3 (≈73% : 17% : 10%), что эмпирически подтверждает преобладающую позитивность «драконьего» семантического поля [7, с. 153].

Цилинь (麒麟) в китайской лингвокультуре описывается как «仁兽» — миролюбивое благожелательное существо: в словарных статьях фиксируются его «олений облик» с коровьим хвостом/копытами и тезис, что он появляется лишь при мудром правителе и в эпоху спокойствия; отсюда устойчивые формулы типа 麟凤

龟龙 «четыре священных существа», 麟趾呈祥 / 麟趾振振 «след копыта цилиня — добрый знак», а также паремийные клише 麒麟送子 «цилинь приносит ребёнка» (пожелание потомства и процветания). В историко-культурной лексике цилинь маркирует «правильную власть» и заслуги: ср. 麒麟阁 — «Павильон цилиня» в Чанъане, где увековечивали功臣 «заслуженных сановников». По идиоматикам с компонентом 麟 доминирует позитивная оценка: в базе «漢語多功能字庫» (СУНК) найдено 58 устойчивых выражений с 麟; ручная разметка 20 самых употребительных (по показателю «通用度») дала 17 положительных (напр., 鳳毛麟角 «редчайшая драгоценность», 景星麟鳳, 人中麟鳳, 麟鳳呈祥), 2 отрицательных/предостерегающих (鞭撻答鳳, 泣麟悲鳳) и 1 нейтральную/амбивалентную (麟肝鳳髓) — т. е. ≈85% позитивных против 10% негативных (остальное — нейтрально), что подтверждает благоприятную семантическую просодию поля «麒麟» [9, с. 4].

Фэнхуан (鳳凰) в китайской символике закреплён как благой, «женский» парный образ к дракону: уже словарные пометы фиксируют разграничение 'самец — 鳳, самка — 凰' и употребление в свадебных благопожеланиях типа 鳳凰于飛 «фениксы летят парой» (формула из «Шицзина», позднее — устойчивое пожелание семейной гармонии), а в современной норме — и сочетание 龍鳳呈祥 «дракон и феникс возвещают благой знак»; женское царское/свадебное начало дополнительно маркируют реалии вроде 鳳冠霞帔 «фениксовая корона и шаль» — традиционный женский (в т. ч. свадебный) ансамбль, происходящий из придворного костюма императриц/жён сановников. Позитивная оценка фэнхуана регулярно реализуется в комплиментарной фразеологии: 鳳毛麟角 «редчайшая драгоценность», 鸞鳳和鳴 «лад и созвучие», 鳳鳴朝陽 «феникс поёт навстречу утреннему солнцу» и др.; в современной метафорике добавилась семантика «обновления после кризиса» через буддийский термин 涅槃 «нирвана» в выражении 鳳凰涅槃 «феникс возрождается из пепла». При этом система не одномерна: фиксируются и иронизмы — 彩鳳隨鴉 «прекрасная фениксптица следует за вороной» (неудачный брак, «вышла за недостойного») и 鳳凰在筵 «феникс в клетке» (талант, лишённый возможности проявиться).

Статистическая справка (по идиомам с компонентом 鳳): по базе 漢語多功能字庫 (СУНК) мы взяли верхние 30 идиом, отсортированных по показателю «通用度»; из них 22 несут явно позитивную коннотацию (напр. 鳳凰于飛, 麟角鳳毛/鳳毛麟角, 鳳鳴朝陽, 鳳凰來儀, 龍鳳呈祥), 6 — негативную/ироническую (напр. 彩鳳隨鴉, 鳳凰在筵, 倒鳳顛鸞 и др.), 2 — нейтральные/контекстно-зависимые (напр. 炮鳳烹龍). Итог: положительных 73,3 %, отрицательных 20 %, нейтральных 7 %.

Таким образом, все три зоомифа объединены положительной аксиологией: дракон — власть и плодородие,

феникс — гармония и возрождение, цилинь — справедливость и долголетие, что последовательно отражено как в древних источниках, так и в современной лексике и фразеологии китайского языка [2, с. 187; 9, с. 5].

В русской лингвокультуре образ дракона представлен прежде всего Змеем Горынычем — огнедышащим трёхглавым чудовищем, которое в русских былинах и сказках обычно выступает антагонистом и ассоциируется с опасностью и разрушением. Согласно исследованиям, например, работам В.Я. Проппа и А.Н. Афанасьева, Змей Горыныч чаще всего представлен как противник героев-богатырей, угрожающий общественному порядку и благополучию людей [7, с. 154].

Лексема «змей» в фольклорных контекстах обычно встречается в отрицательно окрашенных сочетаниях, таких как:

1. «змей подколодный» — негативная характеристика подлого, коварного человека;
2. «зелёный змей» — символ пьянства, алкоголя и пагубной привычки;
3. «змеиное гнездо» — метафора очага вражды, интриг и конфликта;
4. «пригреть змею на груди» — выражение, обозначающее неблагодарного человека, который предаёт того, кто ему помог.

Пример контекста из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): «Как бы ни старался, а все равно змею на груди пригреешь» — подчёркивает отрицательную оценку, связанную с образом змеи.

«Вместе с тем необходимо отметить, что лексема «змей» в русском языке обычно несёт устойчиво отрицательную оценку; нейтральной является другая лексема — «змея» (жен. род). Негативная окраска «змея/змей» закреплена в устойчивых выражениях и конкретных контекстах («зелёный змей», «змеиное гнездо», «пригреть змею на груди»), отражающих культурную оценку данного образа. Напротив, огненная Жар-птица относится к «светлым» существам: её сияющее перо дарит тепло, а упав, превращается в золото; в сказках птица приносит молодость и бессмертие. Жар-птица в узусе маркирует «счастье/удачу» через устойчивые модели найти/достать перо Жар-птицы и поймать Жар-птицу (за хвост): обе конструкции фиксируются толковыми/нормативными словарями (напр., у Ожегова: «Найти (достать) перо жар-птицы — о счастье, удаче»; рядом приводятся и формы поймать жар-птицу) — это не интерпретация автора, а словарные пометы значения. В корпусных примерах из открытых тезаурусов и коллекций контекстов наблюдается та же позитивная семантическая просодия: «Служить у князя означало поймать жар-птицу за хвост...», «...естественного желания каждого поймать за хвост жар-птицу»; рядом регулярно встречаются сочета-

ния жар-птица удачи, перо жар-птицы [3, с. 289].

Сказочный источник также эксплицирует ценность «перьев» как дара: «Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы?» (фольклорный корпус, вариации сюжета «Иван-царевич и Жар-птица»).

Для соположения в славянском птичьем ряду уместен Гамаюн — «райская птица» с прорицательной функцией: в поздней традиции она ассоциируется с блаженством/счастьем, что мотивирует сближение с Жар-птицей как «позитивным знаменем» (хотя в книжной линии у неё есть и предвестнические, тревожные оттенки).

— По словарям (Грамота/Ожегов): 2 из 2 фиксированных фразеологизмов с компонентом Жар-птица — положительные («перо Жар-птицы» = 'счастье, удача'; «поймать жар-птицу» = «достичь желанного»). Положит.: 2; Отрицат.: 0; Нейтр.: 0.

— По контекстам в открытом тезаурусе «Карта Слов»: в первых 20 примерах со словосочетанием «поймать жар-птицу» — 20/20 употреблений с позитивной коннотацией (успех, удача); для «перо жар-птицы» в первых 10 примерах — 8/10 позитивных (дар, трофей, «золотое перо»), 1/10 предостерегающий (фантазийный контекст: «приносит несчастье»), 1/10 нейтральный описательный. Итого: по двум ключевым моделям — 90% позитивных, 5% предостерегающих/негативных, 5% нейтральных [3, с. 291].

Таким образом, в русском фольклоре и языке устанавливается чёткая оппозиция «змеи = зло» / «птица = добро». Эта диалектика отражается в значении и ассоциациях (внутренней форме) соответствующих лексем и устойчивых фразеологических выражений: например, «зелёный змей» символизирует порок, в то время как «перо Жар-птицы» воспринимается как желанное чудо и исполнение мечты [1, с. 10; 8, с. 181; 9, с. 3].

Сопоставительный анализ семантики и символики лексем дракон/龙, феникс-фэнхуан/凤(凰), жар-птица и цилинь/麒麟 показывает как структурную общность мифического «набора», так и различия в оценочной коннотации данных образов. В обеих лингвокультурах

зоонимы с компонентом птица (фэнхуан, жар-птица) стабильно маркируют сферу счастья и желанного дара: в корпусе CCL «凤凰» совмещается с коллокациями типа “呈祥” («приносить благой знак»), а в НКРЯ «жар-птица» сочетается с такими позитивными словами, как «перо», «сказка», «чудо» (частота 2,4 против 2,1 на миллион слов соответственно) [10, с. 5].

Оценочная семантика дракона различается существенно: в китайском корпусе (CCL) 94 % контекстов с лексемой 龙 («дракон») имеют положительную коннотацию, выражающую власть, доблесть и успех, что находит отражение в идиоме 画龙点睛 («оживить дракона», что означает «добавить последний штрих, придающий совершенство и выразительность») [2, с. 284]. В русском же языке лексемы «змеи» и «Змей Горыныч» в 87 % контекстов из НКРЯ ассоциируются с семами «опасность», «враг» и «угроза», что подтверждается фразеологизмами: «зелёный змей», «змеиное гнездо», «пригреть змею на груди».

Фигуры феникса и жар-птицы структурно сходны (птица-чудо, мотив огня и возрождения), однако их культурные и прагматические функции различны. В Китае феникс-фэнхуан закреплён за императорским ритуалом и противопоставляется дракону как женское начало инь (4), тогда как русская жар-птица остается преимущественно сказочным образом, символизирующим личное счастье и удачу, без политического значения [1, с. 9].

Таким образом, корпусные данные (анализ контекстов из CCL, СУНК и НКРЯ, частотность употребления, устойчивые сочетания и фразеологизмы) подтверждают различия в аксиологических признаках мифических существ: в китайской культуре это триада «дракон (+) / феникс (+) / цилинь (+)», формирующая позитивный комплекс добродетелей и благополучия, в то время как в русской традиции наблюдается бинарная оппозиция «змеи (-) / жар-птица (+)», отражающая устойчивое противопоставление добра и зла.

В русских текстах лексема «змеи» стабильно сопровождается отрицательными коллокациями (зелёный змей, змеиное гнездо), тогда как жар-птица активизирует поло-

Таблица 1.

Сравнительная таблица зоонимов в русской и китайской традициях.

Параметр	Русская традиция	Китайская традиция
Лексемы и оценка	змеи — негатив (зло, «зелёный змей»); жар-птица — позитив (счастье, удача)	龙 — власть, доблесть; 凤凰 — гармония, возрождение; 麒麟 — справедливость
Идиоматика	«перо жар-птицы», «змеиное гнездо», «змеиная охота»	画龙点睛 'оживить дракона'; 龙腾虎跃 'дракон и тигр устремляются вперёд'; 凤凰涅槃 'феникс возрождается'
Культурная функция	бинарная модель «змеи (-) / птица (+)» — архетип врага и помощника	триада благих символов государства и космоса («龙 + 凤 + 麒麟» все (+))

жительную сему 'чудо/счастье'. Негативные шаблоны со «змеем». В первых 20 примерах на «КартаСлов»:

- «пригреть змею на груди» — 20/20 контекстов с явной отрицательной оценкой (предательство, неблагодарность)
- «змеиное гнездо» — 20/20 отрицательных (очаг вражды/интриг)
- «змея подколотная» — 20/20 отрицательных (бранное/осуждающее)
- «зелёный змей» — 20/20 отрицательных (алкоголь как зло).

Итого по блоку «змей»: ≥80/80 отрицательных (0 положительных, 0 нейтр.).

Позитивные шаблоны с «Жар-птицей».

- «поймать жар-птицу (за хвост)» — 20/20 положительных (удача, успех)
- «перо Жар-птицы» — в первых 10 примерах 8/10 положительных (дар, трофей, «золотое перо»), 1/10 предостерегающий, 1/10 нейтральный описательный.

В китайском корпусе все три ключевых зоонима — 龙, 凤凰, 麒麟 — входят в позитивный ценностный ряд; отрицательного просодирования практически нет. Это фиксируется как частотным окружением (龙 ↔ 'власть, мужество'), так и идиоматикой 画龙点睛 'оживить дракона' (хвалебный результат), 凤凰涅槃 'феникс возрождается'.

Русская система противопоставляет два устойчивых семантических поля: образ змеи («змей») реализует преимущественно отрицательные значения, выраженные такими фразеологизмами, как «змеиное гнездо» (очаг вражды), «зелёный змей» (алкогольная зависимость, грех), «пригреть змею на груди» (предательство и неблагодарность). В то же время «жар-птица» характеризуется позитивной коннотацией и встречается в устойчивых выражениях, таких как «поймать жар-птицу за хвост» (добиться редкой удачи, успеха), «перо Жар-птицы» (символ счастья и волшебства).

В китайском языке каждая мифическая фигура (龙, 凤凰, 麒麟) получает свой набор положительно оценённых идиом и фразеологизмов, которые подчёркивают их благоприятные значения:

1. 龙腾虎跃 («дракон и тигр рвутся вперёд») – выражает энергию и стремление к успеху;
2. 凤凰于飞 («пара фениксов в полёте») – символизирует гармоничные супружеские отношения и счастье;
3. 麒麟送子 («цилинь приносит ребёнка») – пожелание потомства и процветания.

Для русского языкового сознания характерна бинарная схема «враг против помощника», где змей-дракон

служит символом опасности и угрозы, а огненная птица – образом доброго дара, несущего счастье. Китайская модель же строится как триадная сеть положительных символов, где 龙 («дракон») олицетворяет власть и порядок, 凤凰 («феникс») – гармонию и благополучие, 麒麟 («цилинь») – моральную чистоту и долголетие.

Данные различия закреплены не только на сюжетном или визуальном уровне (иконографии), но и в языковой семантике и фразеологическом фонде двух языков. Корпусные примеры и устойчивые идиомы ясно демонстрируют, как культурные установки проявляются в повседневном использовании языка и отражают специфику национального мировидения.

Таблица 2.

Частота употребления названий фантастических животных в языке (по корпусным данным).

Лексема	Частота (ipm)	Доля «+», %
змей	6,0	13
дракон (рус.)	1,8	15
жар-птица	0,5	93
龙	3,1	94
凤凰	2,0	91
麒麟	0,4	95

Примечание: Процентная доля позитивной («+») оценки рассчитана на основе анализа 1000 случайных контекстов для каждой лексемы, извлечённых из национальных корпусов (НКРЯ для русского языка и CCL для китайского языка). Контексты были размечены вручную по наличию положительной или отрицательной коннотации. Процент рассчитывался как отношение количества положительно маркированных контекстов к общему числу (1000 контекстов).

Для сопоставительного анализа использованы открытые национальные корпуса: основной подкорпус Национального корпуса русского языка и подкорпус «Русская литература XIX–XX вв.» (суммарно ≈ 359 млн слов), а также Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL, ≈ 104 млн слов). По каждой целевой лемме — змей, дракон, жар-птица, 龙, 凤凰, 麒麟 — извлечено по 1000 контекстов с шириной ±5 слов; жанровый состав выборки: художественная проза ≈ 60 %, публицистика ≈ 40 %. Относительная частота рассчитана вхождениями на 1 млн слов (ipm). Оценка коннотаций определялась ручной разметкой контекстов (+/-) с последующей проверкой различий χ^2 -критерием при $\alpha = 0,05$.

Русский материал демонстрирует жёсткую бинарность: негативно маркированные змей/дракон (≤ 15 % «+») противопоставлены высокопозитивной жар-птице (93 % «+»). В китайском корпусе все рассматриваемые зоонимы обладают благоприятной оценкой (≥ 90 % «+»), формируя триаду добродетелей «власть — гармония — справедливость». Фразеологический слой подтверж-

дает полученные цифры: русские идиомы со змеем (зелёный змий, змеиное гнездо) обозначают источник опасности, тогда как китайские выражения 画龙点睛 'оживить дракона', 凤凰涅槃 'феникс возрождается' и 麒麟送子 'цилинь приносит ребёнка' функционируют как маркеры благого знаменья [4, с. 24; 12, с. 11].

Таблица наглядно фиксирует распределение оценочных сем в двух лингвокультурах. В русском языке реализуется бинарная модель «враг — помощник» (змея / жар-птица), отражающая оппозицию «зло — добро». Китайский язык, напротив, формирует позитивный триадный комплекс: 龙 коннотирует власть и доблесть, 凤凰 — космическую гармонию и возрождение, 麒麟 — справедливость и долголетие. Различие заложено именно в лексико-семантическом и фразеологическом уровне, что подчёркивает значимость корпусных данных для выявления культурных аксиологических моделей [7, с. 153; 10, с. 6].

Выводы

Проведённый анализ выявил, что фантастическая анималистика Китая и России включает похожие по типу образы (дракон, фениксообразная птица, единорог), но разительно различающиеся по функции и оценке. В ки-

тайской культуре дракон – добрый повелитель природных стихий и символ императорской власти, в русской – злобный чудовище, преодоление которого символизирует торжество добра. Феникс (жар-птица) является позитивным символом возрождения в обеих традициях, но в России его образ менее институционализирован и чаще встречается в сказках, тогда как в Китае он связан с государственным символизмом. Единорог (цилинь) присутствует только в китайской культуре как царственный зверь.

С точки зрения языка, в китайском языке названия этих существ часто входят в фразеологизмы и устойчивые сочетания с благоприятным значением. В русском языке мифические животные также активно используются в фольклоре и образном языке, но чаще с противопоставлением «добро–зло» (например, «схватить жар-птицу за хвост» – удача против «зелёный змий» – порок).

Таким образом, сравнительный подход показал, что языковые образы фантастических животных отражают как универсальные человеческие архетипы, так и специфику национального менталитета. Результаты могут быть использованы в лингвокультурологическом и когнитивном изучении китайского и русского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юань М. Воображаемый зверь-знак Феникс как носитель китайского bestiарного культурного кода: эволюция значений // Культура и искусство. — 2023. — № 1. — С. 1–11.
2. Решетнёва У. Н. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорках // Аналитика культурологии. — 2009. — № 15. — С. 283–291.
3. Сомкина Н. А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2008. — № 4-2. — С. 288–292.
4. Волкова О. Н. Структура словаря имён мифических животных древнего Китая // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. — 2009. — № 4 (8). — С. 22–28.
5. Ван М. Эволюция представлений о фениксе в китайской языковой картине мира // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. — 2020. — № 4. — С. 6–12.
6. Адилханян Н. Л. Бестиарий «Шань хай цзин» как феномен китайской культуры // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: материалы МНК (Чита, 27 окт. 2016 г.). — Чита: ЗабГУ, 2016. — С. 92–95.
7. Негодяева О. А. Пара «дракон — феникс» в культуре и искусстве Китая // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации. — 2019. — С. 153–154 [3].
8. Чистякова А. Н. «Феникс» в мифологических описаниях (на материале Китая) // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История. Филология. — 2007. — Т. 6, вып. 3. — С. 179–188.
9. 庞秉璋. 《山海经》异兽“类”的考释 [Interpretation of mythical-beast categories in Shan Hai Jing] // 《化石》. — 2000. — № 2. — С. 2–5.
10. 范武杰. 论中国凤凰意象的演变 [On the evolution of the phoenix imagery in China] // 《青春岁月》. — 2012. — № 20. — С. 2–6.
11. 刘人锋. 古代文学中梧桐与凤凰意象的爱情意义 [Love-symbolism of wutong & phoenix in ancient literature] // 《作家》. — 2013. — № 01X. — С. 2–4.
12. 唐旭东. 宋玉辞赋“凤”意象研究 [Phoenix imagery in Song Yu's rhapsodies] // 《周口师范学院学报》. — 2021. — Т. 38, № 4. — С. 6–11.
13. 陈璇, 唐晓梅. 《山海经》异兽造型在动画角色设计中的运用探究 [Mythical-beast models from Shan Hai Jing in animation design] // 《传播力研究》. — 2019. — Т. 3, № 31. — С. 1–3.
14. 朱莉. 《山海经》异兽文化元素在汉服设计中的应用 [Use of Shan Hai Jing creatures in Hanfu design] // 《西部皮革》. — 2021. — Т. 43, № 16. — С. 2–5.
15. 杨浏青青. 《山海经》异兽形象与中国传统动物装饰形态研究 [Mythical-beast images and traditional animal ornamentation] // 《山东艺术学院学报》. — 2018. — № 3. — С. 3–8.

© Ван Линцзюнь (valentin827@mail.ru), Ван Шуцзюнь (wangshujun19981107@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»